

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 2

2022 год

ISSN 2587-6023

ГБОУ ВПО
«Донбасская аграрная
академия»

МАКЕЕВКА

2022 год

ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: **2587-6023**

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГБОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Университет экономики и торговли им.Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГБОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2022. – № 2 (26).

ISSN 2587-6023

9 772587 602007 >

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 5 Белоножко М.Н., Швайковская В.Н.

К вопросу о субъектном составе брачного договора с участием несовершеннолетнего лица

Стр. 10 Голомах Р.В.

Некоторые особенности правовых режимов международных морских пространств

**Раздел «Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право,
уголовный процесс»**

Стр. 14 Павловская Г.А.

Уголовная ответственность за подстрекательство по советскому уголовному праву

Стр. 20 Попова А.А.

К вопросу определения малолетнего как лица, находящегося в беспомощном состоянии

Стр. 25 Савченко А.А., Семенов К.И.

Уголовно-правовая характеристика получения и дачи взятки по законодательству Донецкой Народной Республики

Стр. 30 Филь Е.О.

Условное осуждение: правовая природа и особенности применения

Раздел «Административное право, административный процесс»

Стр. 37 Абезин Д.А., Мохов А.Ю., Абезин Д.Д.

О градостроительно-правовых средствах соблюдения архитектурного стиля городов

Стр. 42 Абезин Д.А., Мохов А.Ю., Абезин Д.Д.

Вопросы построения системы градостроительного законодательства России на современном этапе

УДК 347.626.2

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНОМ СОСТАВЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА

*Белоножко Михаил Николаевич,
Донецкий национальный университет, г. Донецк*

E-mail: miha-makeevka1978@mail.ru

*Швайковская Валентина Николаевна,
Донецкий национальный университет, г. Донецк*

E-mail: trud-vn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме заключения брачного договора несовершеннолетними. В аспекте существующей семейно-правовой доктрины рассмотрен вопрос о том, с какого момента несовершеннолетние имеют право на заключение брачного договора. Актуальность темы основывается на необходимости усовершенствования законодательства, регулирующего вопросы субъектного состава брачного договора с участием несовершеннолетнего лица.

Abstract. The article is devoted to the problem of concluding a marriage contract by minors. In the aspect of the existing family law doctrine, the question of from what moment minors have the right to conclude a marriage contract is considered. The relevance of the topic is based on the need to improve the legislation governing the issues of the subject composition of a marriage contract with the participation of a minor.

Ключевые слова: супруги, субъектный состав брачного договора, имущественный отношения, брачный договор, дееспособность несовершеннолетних.

Key words: spouses, subject composition of the marriage contract, property relations, marriage contract, legal capacity of minors.

Востребованность правового регулирования семейных отношений в Донецкой Народной Республике обусловила принятие собственного Семейного кодекса (далее - СК ДНР), создающего правовую основу брачно-семейных отношений [1].

Введение института брачного договора актуализирует потребность в создании эффективного правового механизма, призванного регулировать имущественные отношения супругов. И хоть на территории Донецкой Народной Республики данный институт не пользуется популярностью, в соседних странах его эффективность доказана многолетней юридической практикой. Главным преимуществом брачного договора являются широкие возможности урегулирования многих вопросов, не только затрагивающих сферу имущественных интересов супругов, но и оказывающих влияние на формирование уклада семейной жизни.

Акцентируя внимание на субъектной составляющей брачного договора, с нашей точки зрения, представляет интерес такой аспект, как участие несовершеннолетнего лица в качестве стороны брачного договора. В виду этого, анализ субъектного состава брачного договора с участием несовершеннолетнего лица в разрезе Семейного кодекса ДНР представляет большой интерес для научно-практического исследования.

Целью настоящей статьи является содействие совершенствованию положений семейного законодательства ДНР в части субъектного состава брачного договора с участием несовершеннолетнего лица.

Для указанного договора характерен особый субъектный состав: сторонами брачного договора могут быть только физические лица, поэтому никакие иные субъекты гражданского права выступать сторонами брачного договора не вправе. В соответствии со статьей 40 СК ДНР субъектами брачного договора являются лица, вступающие в брак, или супруги. В данной норме права четко не установлено, с какого момента гражданин может быть отнесен к категории лиц, вступающих в брак [1]. Признаки, позволяющие идентифицировать граждан как «лиц, вступающих в брак», не указаны ни в СК ДНР, ни в иных законодательных актах. Распространено мнение о том, что под «лицами, вступающими в брак», следует понимать лишь лиц, подавших заявление в органы регистрации актов гражданского состояния. Но, как верно отмечает Б.М. Гонгало, данная точка зрения является ошибочной, поскольку Семейный кодекс не содержит требования о том, что до заключения брачного договора надо подавать заявление о регистрации брака [2]. Соглашаясь с Л.Б. Максимович, данную терминологию следует признать неудачной, поскольку она «делает возможным предположение о том, что стороны должны вступить в брак в ближайшее время после заключения договора» [3].

На вышеуказанном примере мы видим, что в зависимости от того, как будет истолкован тот или иной правовой термин, или их совокупность, одна и та же правовая ситуация может быть рассмотрена в различных вариантах.

Вместе с тем, Е.А. Чефранова высказывает мысль о том, чтобы обозначить указанную категорию как «лиц, имеющих намерение вступить в брак» [4].

На наш взгляд, данное определение максимально точно установит субъектный состав договора и разрешит недопонимание, возникшее в законе, в частности, с обязанностью нотариуса идентифицировать обратившихся к нему лиц, для заключения брачного договора.

Целесообразным будет также внесение нормы о том, что заключение брачного договора не зависит от факта подачи заявления в органы записи актов гражданского состояния.

Согласно ст.13 СК ДНР, брачный возраст устанавливается в 18 лет. При наличии уважительных причин (рождение ребенка, беременность, непосредственная угроза жизни одной из сторон) органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет. Однако, СК ДНР не определяет возраст, с наступлением которого лица, желающие вступить в брак, могут заключить брачный договор. Следует исходить из того, что для обозначения способности лица иметь определенные права и

исполнять соответствующие обязанности, самостоятельно их осуществлять используют категории право- и дееспособности.

Вместе с тем, следует обратиться к Регламенту совершения нотариальных действий нотариусами в Донецкой Народной Республике, определяющего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (далее – Регламент). [5]

Так, пунктом 2.4. Регламента установлено, при проверке гражданской дееспособности физического лица, не достигшего 18-летнего возраста, но которое может быть признано таким, которое имеет полную гражданскую дееспособность в связи с заключением таким лицом брака, нотариус истребует свидетельство о браке.

В тоже время, в пункте 2.8. Регламента установлено, что при заключении сделки несовершеннолетним лицом нотариусом истребуется заявление родителей (одного из них – в случае документально подтвержденной смерти, лишения родительских прав или права опеки второго родителя, а также если запись об отце ребенка в Книге регистрации рождений проводилась по фамилии и гражданству матери, а имя и отчество отца ребенка были записаны по ее указанию или в свидетельстве о рождении отсутствуют сведения об отце) о согласии на совершение сделки несовершеннолетним, подлинность подписи (-ей) на котором свидетельствуется (-ются) нотариально.

При этом, законодатель упоминает «сделки», однако из положений ГК ДНР, становится ясно, что дееспособность несовершеннолетнего ограничивается лишь совершением мелких бытовых сделок. То есть, заключить договор несовершеннолетний не может.

В разрезе имеющихся недочетов в законодательстве ДНР, проблемой становится возможность заключить брачный договор несовершеннолетнему лицу, для которого ранее вынесено решение о снижении брачного возраста до официальной регистрации брака. Так, условиями для заключения брачного договора являются: дееспособность, отсутствие зарегистрированного брака с другим лицом, достижение брачного возраста, отсутствие родства между супругами и т.д.

В свою очередь, П.В. Крашенинников считает, что заключение брачного договора до регистрации брака между лицами, хотя бы одно из которых является несовершеннолетним, невозможно. Другие исследователи считают, что заключить данный договор можно с момента вынесения решения о снижении брачного возраста [6].

Необходимо отметить, что лицо в нашем случае приобретает дееспособность только после вступления в брак (ст. 24 ГК ДНР) [7]. Значит, до вступления в брак несовершеннолетний еще не обладает дееспособностью в полной мере. И заключение брачного договора будет противоречить другим нормам права (ст. 24 ГК ДНР, ст. 13 СК ДНР). Лица, объявленные дееспособными в результате эмансипации, имеют те же права и обязанности, что и лица, достигшие 18-летнего возраста. Такие лица вправе заключать брачный договор.

Следует поддержать мнение А.Н. Левушкина, считающего, что до государственной регистрации заключения брака заключение брачного договора

между лицами, хотя бы одно из которых является несовершеннолетним, невозможно [8].

Проанализировав вопросы субъектного состава брачного договора с участием несовершеннолетнего лица, выявлены некоторые особенности реализации им права на заключение брачного договора. Эти особенности, предопределены тем, что для заключения брачного договора необходимо обладать полной дееспособностью, включая такой элемент как способность к вступлению в брак, которая признается за лицами, достигшими определенного возраста. Анализ права на заключение брачного договора через призму семейной праводееспособности и гражданской дееспособности позволил сделать вывод о том, что несовершеннолетние приобретают право на заключение брачного договора только после регистрации заключения брака, произведенной в соответствии с решением органов местного самоуправления. Это объясняется тем, что несовершеннолетние приобретают полную дееспособность со времени вступления в брак.

Отсутствие законодательного указания на указанную особенность субъектного состава с участием несовершеннолетнего лица актуализирует необходимость восполнения законодательного пробела.

В связи с этим предлагаем дополнить статью 41 Семейного кодекса ДНР частью 3 изложить следующего содержания: «До государственной регистрации заключения брака заключение брачного договора между лицами, хотя бы одно из которых является несовершеннолетним, невозможно». Сформулированный подход к толкованию и применению правовых норм внесет ясность и полноту по поводу времени заключения брачного договора, между будущими супругами, хотя бы один из которых является несовершеннолетним. Заключение брачного договора между ними станет возможным только после государственной регистрации брака, т.е. с момента возникновения у несовершеннолетнего супруга дееспособности. Дополнение статьи 41 СК ДНР поможет в последующем правильно применять на практике правовые нормы и исключать спорные ситуации с участием несовершеннолетнего лица в качестве стороны брачного договора.

Считаем, что предложение по внесению изменений и дополнений норм Семейного кодекса ДНР, регламентирующее брачный договор, может быть использовано для дальнейшего развития и совершенствования семейного законодательства Донецкой Народной Республики.

Список использованной литературы:

1. Семейный кодекс ДНР принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 01.09.2020 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.08.2021 г.)

2. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 454 с.
3. Максимович Л.Б. Брачный договор (контракт): Правовые режимы имущества супругов. Понятие и сущность брачного договора. Порядок заключения, изменения и расторжения брачного договора / Л.Б. Максимович. – М.: Ось-89, 2002. – 111 с.
4. Чефранова Е.А. Порядок и условия совершения сделок между супругами / Отв. ред. В.Н. Литовкин // Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства. – М.: Городец, 2005. – С. 64-68.
5. Регламент совершения нотариальных действий нотариусами в Донецкой Народной Республике, определяющего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 18.05.2019 г. / Официальный сайт ГИС НПА ДНР. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0027-363-20190502/> (дата обращения: 15.09.2021)
6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2005. – 458 с.
7. Гражданский кодекс ДНР принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 01.07.2020 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.08.2021 г.)
8. Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах – участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: Учебно-практическое пособие / А.Н. Левушкин. – М.: «Юстицинформ», 2012. – 385 с.

УДК 341.01

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ
МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ**

*Голомах Римма Викторовна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка*

E-mail: qolomach@rambler.ru

Аннотация. Международное морское право играет огромную роль для большинства государств, так как в современном мире морской путь является самым актуальным способом импорта и экспорта все возможных грузов. В статье рассматривается Конвенция «По морскому праву», регламентирующая режим морского пространства мировых океанов и морей, а также нормы, регулирующие деятельность в океанах и использование их ресурсов, проход кораблей по морским пространствам и перелеты над ними.

Abstract. International maritime law plays a huge role for most states, since in the modern world the sea route is the most relevant way to import and export all possible cargoes. The article deals with the Convention «On the Law of the Sea», which regulates the regime of the maritime space of the world's oceans and seas, as well as the norms governing activities in the oceans and the use of their resources, the passage of ships through the maritime spaces and flights over them.

Ключевые слова: международное морское право, правовой режим морских пространств, открытое море.

Key words: international maritime law, maritime legal regime, high seas.

Международное право – это самостоятельная отрасль права, которая является совокупностью международно-правовых принципов и норм, созданных субъектами международного права, с целью регулирования международных отношений между ними, для обеспечения мирного сотрудничества государств, равноправия и самоопределения народов [1, с. 175].

Создание отраслей международного права являлось объективным процессом, и был вызван в большей мере многосторонним и разнообразным характером взаимоотношений государств и прочими субъектами международного права. Для повышения эффективности регулирования эти отношения нуждались в разделении по сферам деятельности государств, решением становиться появление в международном праве отраслей, имеющих свой объект правового регулирования и собственные отраслевые принципы.

Нормы международного права представляют собой общеобязательные правила деятельности и взаимоотношений государств или иных субъектов. Для таких норм, как и для большинства правовых норм, свойственно то, что они представляют собой общее, правило поведения, такие нормы, рассчитанные на многократное применение в процессе реализации соответствующими принудительными мерами.

При осуществлении своей деятельности субъекты международного права, когда затрагивают права и обязанности других субъектов международного права, должны действовать соответственно нормам и принципам международного морского права, а также нормам и принципам международного права в целом, для поддержания международного мира и безопасности, развития международного сотрудничества и взаимопонимания.

Вылегжанин А.Н. выделяют десять универсальных принципов международного права [2, с. 103]:

- 1) суверенного равенства государств;
- 2) воздержания от угрозы силой или ее применения в международных отношениях;
- 3) разрешения международных споров мирными средствами;
- 4) невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств;
- 5) обязанности государств сотрудничать во внешней сфере;
- 6) равноправия и самоопределения народов;
- 7) нерушимости государственных границ;
- 8) территориальной целостности государств;
- 9) уважения прав человека и основных свобод;
- 10) добросовестного выполнения международных обязательств.

К принципам международного морского права профессор Й. Такана относит:

1) принцип свободы открытого моря, который отражен в статьях 87 и 89 Конвенции 1982 г., где отмечено, что открытое море открыто для всех государств, прибрежных, и тех у которых выхода к морю нет, свобода открытого моря предусматривает свободу водных и воздушных передвижений, свободу прокладывать подводные кабели и трубопроводы, свободу рыболовства и научной деятельности.

2) принцип суверенитета, действие которого направлено на защиту интересов прибрежных государств. Его частью можно считать принцип исключительной юрисдикции государства флага. В пункте 1 статьи 92 Конвенции 1982 г. указано, что судно должно плавать под флагом только одного государства и подчиняется его исключительной юрисдикции в открытом море, кроме случаев, предусмотренных международными договорами или настоящей Конвенции.

Немало важным принципом международного морского права является принцип полного иммунитета военных кораблей, от иностранной юрисдикции.

Ещё одним немаловажным принципом, является принцип общего наследия человечества. Этот принцип закреплено в части XI Конвенции по морскому праву 1982 года.

Принцип использования открытого моря в мирных целях или исключительно в мирных целях.

Главным источником международного морского права является Конвенция ООН «По морскому праву» – объединившая в себе 320 статей, и дополненная 9 приложениями, в которых определяется правовой режим мировых океанов и морей, закреплены нормы – регулирования деятельности в океанах и

использование их ресурсов, проход кораблей по морским пространствам и перелеты над ними [3, с. 75].

Все существующие морские пространства можно разделить на три основных вида:

- морские пространства находящиеся под суверенитетом государства, к ним относятся внутренние воды, территориальное море;
- морские пространства со смешанным правовым режимом прилежащая зона, континентальный шельф и исключительная экономическая зона;
- морские пространства без суверенитета, к ним относится открытое море, международный район морского дна.

И отдельный вид с особым правовым режимом, включающий в себя архипелажные воды и международные каналы и проливы.

Международно-правовой статус морских пространств – это их правовое положение, оно заключается в подчинении суверенитету государства или юрисдикции прибрежного государства.

Первыми правовыми режимами, которые стоит рассмотреть являются, режимы морских пространств, находящиеся под суверенитетом.

Прибрежное государство распространяя свой суверенитет на внутренние во, самостоятельно устанавливает открытые порты для захода иностранных судов. А также имеет право закрыть тот или иной порт в любое время для доступа, например, в целях безопасности.

Следующим правовым режимом можно выделить, смешанный правовой режим морских пространств. Главная особенность данного режима является то, что здесь права и юрисдикция прибрежного государства, права и свободы других государств установлены строго и определенно только соответствующими положениями Конвенции 1982 г.

Последним является режим морских пространств без суверенитета. Правовой режим открытого море регламентируется нормами международного права, а именно положениями Конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Также стоит отменить еще особый правовой режим, который является режимом архипелажных вод, международных каналов и проливов.

Основной особенностью режима архипелажных вод можно считать конвенционное закрепление права архипелажного прохода по морским коридорам.

Согласно п. 3 ст. 53 Конвенции 1982 г., архипелажный проход по морским коридорам является способом осуществления права нормального судоходства и пролета с целью непрерывного, быстрого и беспрепятственного транзита через воды государства-архипелага [4, с. 42].

Также особым правовым режимом обладают международные проливы, несмотря на то что, в конвенции они рассматриваются как территориальное море. В некоторых источниках выделяют два вида международных проливов.

Первый вид, правовой режим которого заключается, в праве транзитного прохода. Второй вид, это проливы, в которых действует право мирного прохода. К данному виду относятся:

1) во-первых, проливы, которые образованы островом государства, и континентальной частью, при наличии удобных навигационных и гидрографических условий пути в открытом море или в исключительной экономической зоне;

2) во-вторых, проливы между открытым морем или исключительной экономической зоной и территориальным морем иностранного государства.

Особенным правовым режимом, как и проливы, обладают международные каналы.

Особенностью данного режима можно считать, что часть территории государства – владельца канала, находится в пределах действия международных договоров, посредством которых, возникает ограничение правоспособности администрации канала.

Таким образом стоит отметить, что главной особенностью каждого правового режима, является объем правоспособности прибрежного государства, и вид прохода, действующий в морском пространстве.

Список использованной литературы:

1. Гуреев С.А. Международное морское право: учебное пособие / С.А. Гуреев, И.В. Зенкин, Г.Г. Иванов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 432 с.
2. Вылегжанин А.Н. Международное право: учебник / А.Н. Вылегжанин. – Москва: Юрайт, 2010. – 1003 с.
3. Научная статья «Принципы международного права». – URL: <http://interlaws.ru/principy-mezhdunarodnogo-morskogo-prava/> (дата обращения: 01.01.2022).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994). – URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.01.2022).

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Павловская Галина Александровна, Московская академия следственного комитета, г. Москва, E-mail: galina.pavlovskaya.98@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен историко-правовой анализ подстрекательства к совершению преступления по советскому уголовному праву. Проанализированы разные нормативно-правовые акты советского законодательства в период с 1917 по 1960 год. Проведенный анализ показал, что ответственность за подстрекательство устанавливался как на основе норм общей части уголовного закона, так и отражался в виде самостоятельных составов преступления в его Особенной части.

Abstract. The article provides a historical and legal analysis of incitement to commit a crime under Soviet criminal law. Various normative legal acts of the Soviet legislation in the period from 1917 to 1960 are analyzed. The analysis showed that responsibility for incitement was established both on the basis of the norms of the general part of the criminal law and reflected in the form of independent elements of the crime in its Special part.

Ключевые слова: подстрекательство, институт соучастия, советский период, агитация, пропаганда, призывы.

Key words: incitement, the institution of complicity, the Soviet period, agitation, propaganda, appeals.

При изучении института права современное исследование особое значение придает принципу научности. Данный принцип в праве предполагает раскрытие причинно-следственных связей в законодательной регламентации, составляющих того или иного института на разных этапах развития государства, следовательно, неизбежно последовательное использование исторического и сравнительно-правового методов познания. Всякая история подразумевает определение временных границ.

Подстрекательство в уголовном праве – это составная часть института соучастия. В рамках данной статьи временные границы развития подстрекательства определим советским периодом. Именно в советский период законодателем были приняты положения, регламентирующие основу института соучастия, которые актуальны и по сей день, естественно, со свойственными времени изменениями.

После революционных событий, произошедших в 1917 году, в России была провозглашена власть советов (советская власть). При этом граждане, которые не признавали эту власть объединялись в группы. Как раз в это время и наступил период расцвета групповой преступности.

Основным источником права тогда являлись декреты и постановления СНК и ВЦИК.

Впервые об уголовной ответственности организаторов и подстрекателей к совершению контрреволюционных преступлений было сказано в инструкции Наркомюста РСФСР от 19.12.1917 «О революціонномъ Трибунале, его составе, делахъ, подлежащихъ его веденію, налагаемыхъ имъ наказаніяхъ и о порядке веденія его заседаній [1], в которой указывалось, что рассмотрению революционного трибунала подлежат дела о лицах, которые организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 08.05.1918 «О взяточничестве» [2] (далее Декрет) устанавливал наказание лицам, состоящим на государственной или общественной службе в РСФСР, виновным в принятии взяток за выполнение действия, входящего в круг их обязанностей или за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет, соединенного с принудительными работами на тот же срок.

Согласно Декрету тому же наказанию подвергались лица: а) виновные в даче взятки и б) подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащие. Так впервые в советском законодательстве был сформулирован круг соучастников, в который входили: подстрекатели, пособники и прикосновенные лица, а также определены пределы их наказания. Однако понятия «соучастие» и определение каждого соучастника в Декрете отсутствовали.

Согласно Декрету, подстрекатели, пособники и прикосновенные лица подлежали такому же наказанию, что и исполнители совершенного преступления. Это давало правоприменителю возможность одинаково оценивать степень опасности всех соучастников взяточничества, а впоследствии легло в основу подхода к пределам ответственности соучастников любого преступления.

Переходный период от царской России к советскому государству был трудным и противоречивым, на обломках старого государства новое государство только начинало свое существование и государственные служащие, в том числе и советская армия чувствовали вседозволенность, что служило питательной почвой для злоупотребления властными полномочиями.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. [3] (далее Руководящие начала) впервые соучастие в совершении преступления было выделено в самостоятельный институт уголовного права, помещенный в 5 главе общей части вышеупомянутых Руководящих начал. В пункте 12 этого документа указывалось, что при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать совершено ли деяние группой, шайкой, бандой, или одним лицом, а также прописано, что за деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели, и пособники. Мера наказания каждому соучастнику определялась с учетом тяжести совершенного преступления и назначалась в заданных законом пределах в зависимости от степени опасности самого соучастника. В этой же главе было дано понятие каждому виду соучастников.

Остановимся на понятии «подстрекатель». Согласно п. 23 Руководящих начал подстрекателями считались лица, склоняющие к совершению

преступления. Следует отметить тот факт, что законодатель использует термин «склоняющие», не раскрывая его содержания, что допускает расширительное его толкование. Так сформировалась основа ответственности за подстрекательство, то есть преступным признавался уже сам факт склонения лица к совершению преступления, независимо от того, совершено исполнителем преступное деяние или нет.

После окончания гражданской войны правительству важно было разработать и кодифицировать уголовное законодательство. В связи с чем был принят Уголовный кодекс РСФСР, который вступил в действие 1 июня 1922 года.

В ст. 15 общей части этого кодекса было прописано, что за совершение уголовно наказуемого деяния наказывались исполнители, подстрекатели и пособники. Мера наказания должна определяться каждому из соучастников исходя из степени участия, степени опасности преступника и совершенного им преступления. Как, видим, о прикосновенных лицах здесь не упоминалось.

Сравнивая УК РСФСР 1922 года с предыдущими нормативными актами, стоит отметить, что в нем закреплялся принцип индивидуализации ответственности каждого из соучастников.

В ст. 16 УК РСФСР 1922 года было дано определение каждого соучастника. Так, подстрекателем признавалось лицо, склонившее к совершению преступления. Как видим, законодатель в данном случае использует термин «склонившее», поэтому можно сделать вывод о том, что таким образом он указывает на оконченность подстрекательства, то есть подстрекателя можно привлечь к уголовной ответственности после того, как исполнитель совершит преступление.

В особенной части УК РСФСР 1922 года выделяются отдельные составы преступлений, в которых прямо упоминаются подстрекатели. В частности, в ст. 75 УК РСФСР 1922 г. наряду с организаторами, руководителями, подстрекателями убийств, поджогов, нанесения телесных повреждений, изнасилования и вооруженных сопротивлений властям подлежали высшей мере наказания и конфискации всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах, понижения наказания до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией имущества. Заметим, что пределы уголовного наказания организаторам, руководителям, подстрекателям и исполнителям устанавливались одинаковые. В ст. 77, 78, 80 УК РСФСР 1922 подстрекатели приравнивались к организаторам и руководителям преступления, причем прописывались перед ними и несли более строгое наказание, чем исполнители, которых закон относил к прочим участникам. Кроме этого, хотелось бы остановиться на ст. 83 УК РСФСР 1922 г., в которой содержится состав преступления за агитацию и пропаганду всякого рода, заключающую призыв к совершению преступлений, предусмотренных ст. ст. 75 - 81, а равно в возбуждении национальной вражды и розни. В ст. 83 УК РСФСР 1922 г. данной статье законодатель признавал подстрекателя исполнителем преступления, ведь, само понятие подстрекательства подразумевает под собой агитацию, пропаганду и призывы к совершению какого-либо преступления. Санкция за данное преступление предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не

ниже одного года со строгой изоляцией, ее пределы могли быть повышены вплоть до высшей меры наказания в случае, если агитация, пропаганда имели место во время войны и были направлены к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей.

УК РСФСР 1922 года имел много пробелов, в том числе и применительно к институту соучастия, ответственности подстрекателей, для устранения которых требовалось научное осмысление, то есть время. Совершенствование редакции этого УК РСФСР привело, по существу, к фактическому принятию нового УК РСФСР 1926 год.

УК РСФСР 1926 г., призванный устранить пробелы УК РСФСР 1922 г. также не содержал понятия «соучастие». В статье 17 УК РСФСР 1926 года были отражены меры социальной защиты судебно-исправительного характера (по современной терминологии наказания), которые подлежали применению в равной степени в отношении исполнителей, а также их соучастников, а именно подстрекателей и пособников. Кроме этого, в упомянутой статье законодатель определил понятие подстрекателей и пособников, оставив без внимания определение исполнителя преступления. Подстрекателем преступления признавались лица, склонившие к совершению преступления. В статье 18 УК РСФСР 1926 г. были сформулированы правила ответственности соучастников, согласно которым меры социальной защиты судебно-исправительного характера определялись для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности совершенного преступления и участвовавшего в нем лица.

Также в УК РСФСР 1926 года продолжала существовать тенденция выделения в особенной части отдельных составов преступлений, связанных с ответственностью подстрекателя. Так, в ст. 58.15 УК РСФСР 1926 года содержался состав преступления за пропаганду и агитацию в направлении помощи международной буржуазии, указанной в статье 58.1, санкция за совершение данного преступления содержала изгнание из пределов Союза С.С.Р. или лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет. В данном случае действия подстрекателя отражают действия исполнителя преступления. Действия по агитации, пропаганде, призывам образовывали объективную сторону действий исполнителя и в составах преступлений, предусмотренных в статьях 58.13, 59.6 УК РСФСР 1926.

Далее в послевоенный период требовалась кодификация во всех сферах правового регулирования. Уголовно-правовая сфера не стала исключением, так, был принят новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.

В новом кодексе законодатель впервые в ст. 17 давал легальное определение понятию «соучастие», которым признавалось умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Также был определен круг соучастников, согласно которому наряду с исполнителями в него входили: организаторы, подстрекатели и пособники, а также было дано определение каждому из видов соучастников. Подстрекателем признавалось

лицо, склонившее к совершению преступления. Принцип индивидуализации ответственности соучастников, то есть назначение наказания с учетом степени и характера участия каждого из соучастников в совершении преступления нашел отражение в ч.7 указанной статьи.

В УК РСФСР 1960 г. сохранилась тенденция выделения конкретных составов преступлений, в которых по характеру действий подстрекатель становился исполнителем. В ст. 70 УК РСФСР 1960 года устанавливалась ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя. В диспозиции указанной статьи описывалось деяние в форме совершения публичных призывов к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы. Наказание за данное деяние предусматривалось в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа в сумме до двадцати минимальных размеров оплаты труда (укажите редакцию УК РСФСР 1960 г. МРОТ – это последняя редакция, первоначально), установленных законодательством Российской Федерации. Действия подстрекателя признавались исполнительскими и в ст. 70.1 (Призывы к совершению преступлений против государства) и 224.2 (Склонение к потреблению наркотических средств) УК РСФСР 1960 г.

Таким образом с самого начала возникновения советского государства законодатель подходит к решению вопросов об ответственности соучастников с позиций значимости совершаемых ими действий, реализуя принцип индивидуализации ответственности как посредством общих правил, так и посредством приравнивая действий отдельных соучастников к исполнительским. Уже в первых источниках советского уголовного права говорится об уголовной ответственности подстрекателей к совершению преступления. Именно советское законодательство заложило основы института соучастия, в том числе и ответственности подстрекателей. Например, в нормативно-правовых актах советского периода определен круг соучастников, определены правила квалификации действий каждого соучастника, а также в некоторых актах советского уголовного права было дано определение каждому из них. После распада советского государства 24 мая 1996 года был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации, который воспринял тенденции, заложенные наукой уголовного права при издании УК РСФСР 1960 г.

Список использованной литературы:

1. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний: инструкция Наркомюста от 19.12.1917: сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/568900012> (дата обращения: 05.01.2022).

2. О взяточничестве: декрет СНК РСФСР от 08.05.1918: сайт электронной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-08.htm> (дата обращения: 05.01.2022).

3. Руководящие начала по уголовному праву Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: постановление НКЮ РФ от 12.12.1919: сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 07.01.2022).

4. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // Консультант плюс. Интернет-портал. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

5. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // Консультант плюс. Интернет-портал. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

6. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года (ред. от 30.07.1996 г.) (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // Консультант плюс. Интернет-портал. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

УДК 343

**К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАЛОЛЕТНЕГО КАК ЛИЦА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ**

Попова Алена Алексеевна, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, E-mail: alenapopova.1998@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о соотношении понятий «малолетний» и «беспомощное состояние». В результате автором выявлены некоторые проблемные вопросы, связанные с определением данных признаков и их разграничением. В статье рассмотрены указанные проблемные вопросы и сделаны предположения о том, что необходимо дать законодательное определение понятию «малолетний», а также понятию «беспомощное состояние», в котором необходимо закрепить конкретные возрастные границы, когда малолетнее лицо априори будет считаться лицом, находящимся в беспомощном состоянии.

Abstract. The article considers the question of the relationship between the concepts of "juvenile" and "helpless state". As a result, the author identified some problematic issues related to the definition of these features and their differentiation. The article considers these problematic issues and suggests that it is necessary to give a legislative definition of the concept of "juvenile", as well as the concept of "helpless state", in which it is necessary to fix specific age limits when a minor person will be considered a priori as a person in a helpless state.

Ключевые слова: малолетний, беспомощное состояние, квалифицирующий признак, преступления против личности.

Key words: juvenile, helpless condition, qualifying sign, crimes against the person.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в ст. ст. 105, 111, 112 в качестве квалифицирующего признака указано совершение данных преступлений в отношении малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии [1]. Законодатель не случайно выделил данные категории потерпевших в качестве квалифицирующих признаков, предусматривающих более строгое наказание. Совершение преступлений в отношении лиц, неспособных в полной мере защитить себя, к коим относятся малолетние лица и лица, находящиеся в беспомощном состоянии, говорит о более высокой степени общественной опасности таких деяний, и требует строгого наказания виновных лиц. При этом в некоторых статьях УК РФ в качестве квалифицирующего признака выделено только состояние беспомощности, не выделяя малолетний возраст потерпевшего. В связи с этим в теории и на практике возникает ряд вопросов: охватывает ли понятие «беспомощность» понятие «малолетний возраст»? Если малолетний априори считается беспомощным, то в чем была необходимость выделять малолетнего потерпевшего в качестве самостоятельного квалифицирующего признака? Для решения данных вопросов необходимо сначала рассмотреть, что стоит понимать под малолетним лицом.

Так, в уголовном законодательстве понятие «малолетний» не содержится. В ч. 1 ст. 87 УК РФ дано понятие несовершеннолетнего преступника, под которым понимается лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Соответственно, можно сделать вывод, что лицами до четырнадцати лет являются малолетние. Обращаясь к п. 1 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), можно отметить, что в данной статье под малолетними понимаются несовершеннолетние, не достигшие четырнадцати лет [2]. На этот счет М. А. Кауфман говорит, что обращаться к норме гражданского законодательства, где раскрывается данное понятие, является не совсем корректным, так как эта норма содержится в иной отрасли права [3, с. 21]. Суды же в своих решениях при определении понятия «малолетний» также ссылаются на ГК РФ.

Так, в апелляционном представлении заместитель прокурора просит приговор изменить и снизить осужденной А. назначенное наказание ввиду того, что при назначении наказания судья не принял во внимание, что А. имеет на иждивении малолетнего ребенка, что является смягчающим обстоятельством. В апелляционном постановлении суд сослался на ст. 28 ГК РФ и указал, что в соответствии с данной статьей малолетними являются несовершеннолетние, не достигшие четырнадцатилетнего возраста [4].

Понятие беспомощного лица является оценочным, оно также не содержится в УК РФ, но попытка его толкования дана в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве» [5] сказано, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [6] указано, что потерпевшее лицо считается беспомощным в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному.

Из приведенных определений видно, что понятие «беспомощность» трактуется в двух указанных постановлениях по-разному. В рамках данного исследования интерес представляет соотношение понятий «беспомощное лицо» и «малолетнее лицо». Как видно, в первом постановлении ничего не сказано относительно малолетнего возраста потерпевшего и о том, является ли оно

беспомощным состоянием. Но если обратиться к п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то законодатель в ней употребляет формулировку «малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Используя союз «или», законодатель определяет малолетний возраст одним из вариантов беспомощного состояния.

В связи с этим стоит вернуться к вопросам о том, всегда ли малолетнее лицо должно признаваться лицом, находящимся в беспомощном состоянии и до какого возраста малолетнее лицо может считаться беспомощным. В теории на этот счет сложились разные точки зрения.

Так, М. А. Кауфман говорит о том, что в отношении подростков в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет утверждение, что они априори являются беспомощными лицами, не является бесспорным [3, с. 22]. В качестве аргумента автор приводит примечание к ст. 131 УК РФ, где обозначен предельный возраст потерпевшего, беспомощное состояние которого презюмируется – это лицо, не достигшее двенадцати лет.

На данный счет Э. В. Рыжов говорит о том, что такой подход не является совершенным, так как понятие «беспомощность» применительно к убийству и к изнасилованию в двух указанных постановлениях толкуется по-разному, акцентируя внимание на том, что осознание разницы между жизнью и смертью – это одно, а понимание особенностей половых отношений – это другое [7, с. 166].

В. Б. Хатуев в своей работе указывает на то, что малолетний возраст не является синонимом беспомощности. Автор отмечает, что человек может быть малолетним, но не беспомощным, а может быть малолетним и при этом одновременно и беспомощным в силу собственно возраста и (или) других объективных обстоятельств (болезнь и др.) [8, с. 43].

Так какой же период малолетства входит в понятие беспомощного состояния, а какой нет? Как уже было указано ранее, законодатель при конструировании, например, квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в формулировке «малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» использует союз «или» и словосочетание «иного лица», определяя малолетний возраст до четырнадцати лет априори как беспомощное состояние.

В связи с этим в некоторых научных работах можно встретить мнение, где сказано, что необходимо исключить из всех норм квалифицирующий признак «в отношении малолетнего», оставив лишь признак «в отношении лица в беспомощном состоянии», так как является не обоснованным одновременное указание в одном пункте два квалифицирующих признака, где один из них полностью включает в себя другой [9, с. 91-92]. Указанное мнение имеет место быть, так как в судебной практике имеются примеры, где при вменении квалифицирующего признака «в отношении малолетнего», квалифицирующий признак «в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии» суд исключает как излишне вмененный.

Так, А. совершил убийство малолетнего Б. В своем приговоре суд исключает из общего объема обвинения А. в убийстве малолетнего, как излишне вмененный квалифицирующий признак «заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии», мотивируя это тем, что среди обстоятельств,

характеризующих беспомощность жертвы, в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ конкретно названо убийство малолетнего [10]. То есть суд говорит о том, что малолетний возраст сам по себе является разновидностью беспомощного состояния, но так как в данном пункте он выделен отдельно, то повторное указание на беспомощное состояние не требуется.

Можно привести еще один пример из судебной практики. Так, А. совершил убийство своего малолетнего сына Б. На момент совершения убийства Б. исполнилось 4 года 10 месяцев. В приговоре суд указывает, что Б. находился в беспомощном состоянии в силу своего возраста, но вмененный квалифицирующий признак «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» из обвинения исключает, как излишне вмененный [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что в теории и на практике существуют проблемные вопросы по поводу определения понятий «малолетнее лицо», «беспомощное состояние», а также вопрос о соотношении данных понятий. Решение перечисленных в статье проблем видится в законодательном закреплении понятий «малолетний», «беспомощное состояние», где в качестве одного из признаков беспомощности необходимо указать малолетний возраст потерпевшего, обозначив конкретные возрастные границы, когда малолетний априори будет считаться лицом, находящимся в беспомощном состоянии.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: фед. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): фед. закон [от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Кауфман М.А. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 19-26.
4. Апелляционное постановление Первомайского районного суда г. Кирова от 30 апреля 2013 г. по делу № 10-АП-17/2013 (1-11/13).
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 27.01.1999 № 1] // Российская газета. – 1999. – № 24.
6. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 04.12.2014 г. № 16] // Российская газета. – 2014. – № 284.
7. Рыжов Э.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. ... канд. юр. наук. М., 2019. – 231 с.
8. Хатуев В.Б. Уголовно-правовое значение особых качеств потерпевшего как обстоятельств, отягчающих наказание // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 3. – С. 40-60.

9. Мальцагов И.Д., Биккинин И.А. Проблемы определения беспомощности и совершения преступления в отношении малолетнего как квалифицирующих признаков // Вестник Чеченского государственного университета. – 2021. – № 1 (41). – С. 89-93.

10. Приговор Хабаровского краевого суда от 07 апреля 2016 г. по делу № 2-9/2016.

11. Приговор Московского областного суда от 15 декабря 2014 г. по делу № 2-71/2014.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Савченко Александр Александрович,
Семенов Кирилл Игоревич,
Донбасская юридическая
академия, г. Донецк

E-mail: lawyer2025@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проведена краткая характеристика таких преступлений, как получение и дача взятки по уголовному законодательству Донецкой Народной Республики. В результате анализа, установлено, что данная проблематика все еще актуальная и нуждается в более глубоком изучении норм, устанавливающих ответственность за взяточничество.

Abstract. In this article short description of such crimes, as receipt and summer residence of graft, is conducted on the criminal statute of Donetsk Republic of People's. As a result of analysis, it is set that this range of problems still actual and needs deeper studies of norms setting responsibility for a bribery.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, получение взятки, дача взятки, квалифицирующие признаки взяточничества.

Key words: corruption, bribery, receipt of graft, summer residence grafts, characterizing the signs of bribery.

Коррупция представляет социальную угрозу в том, что она непосредственно или опосредованно влияет на общественные и моральные принципы и ценности человека, подрывает государственные устои, постепенно разрушая веру человека в справедливость и целесообразность принимаемых решений. Именно поэтому коррупция является самой острой проблемой общества, без решения которой невозможно его эффективное функционирование и развитие.

Имущественное неравенство возникает вследствие того, что стороны коррупционных сделок получают выгоды за счет бюджетных денег или за счет привилегий, которые закрыты для других. Коррупция поощряет несправедливое распределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения [1].

Необходимо подчеркнуть, что при анализе понятия «коррупция» в современной науке применяется принцип детерминизма, т.е. принято проследивать взаимосвязь и взаимную определенность всех причин, факторов и процессов, порождающих коррупцию и поддерживающих ее. В юридической науке выделяют институциональные, экономические и социально-культурные причины возникновения коррупции. Рассмотрим подробнее каждую из приведенных причин.

В настоящее время Донецкая Народная Республика, как и Российская Федерация, переживают период сильнейших экономических и социальных преобразований, поэтому особенно остро ощущаются пробелы в действующем законодательстве.

В связи с этим, для более глубокого изучения норм о взяточничестве, необходимо проанализировать этапы формирования и развития норм, устанавливавших ответственность за взяточничество.

Согласно ст. 343 УК Донецкой Народной Республики, получение взятки – это преступление против интересов государственной службы, которое заключается в получении должностным лицом лично и/или через посредника взятки в следующем виде: ценные бумаги, деньги, другое имущество или выгоды имущественного плана за действия и/или бездействие в пользу взяткодателя или представляемого им лица, если такие действия и/или бездействие входят в служебные полномочия должностного лица либо оно (в силу должностного положения) может содействовать таким действиям [2].

Из этого понятия следует, что под должностным положением подразумевается авторитет и значимость занимаемой должности, а также пребывание в подчинении других должностных лиц, в отношении которых осуществляется руководство со стороны взяткополучателя.

Опираясь на изложенное, можно сказать, что к общему покровительству по службе относятся действия, связанные с незаслуженным вознаграждением, необоснованным внеочередным повышением в должности, совершением некоторых действий, не вызываемых необходимостью. В тоже время, к попустительству по службе можно относить, к примеру, не выполнение должностным лицом мер по упущению или нарушению в служебной деятельности взяткодателя или представляемых им лиц, игнорирование его неправомерных действий.

В соответствии с УК ДНР, объективная сторона получения взятки содержит в себе получение должностным лицом незаконного имущественного вознаграждения за совершение в пользу взяткодателя действий и /или бездействия, опираясь на свое служебное положение [2].

Таким образом, объектом преступления являются общественные отношения в сфере обеспечения нормального функционирования законной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Если говорить о субъективной стороне данных преступлений, то отличительной ее чертой является вина в виде прямого умысла. Например, виновный осознает, что он получает незаконную имущественную выгоду за совершение действия в пользу взяткодателя либо попустительствует, используя служебное положение.

Стоит отметить, что взяткополучателем осознается то, что взяткодателю известно о том, что получаемое должностным лицом вознаграждение незаконно и что получается оно за действия и / или бездействие в его пользу.

Опираясь на труды некоторых авторов, можно сказать, что природа получения взятки – один из видов корыстного злоупотребления служебными полномочиями, поэтому неопременным признаком данного вида преступлений является именно корыстный мотив [3].

Необходимо констатировать, что опасность получения взятки повышается, если:

- взятка получена за незаконные действия (ч. 3 ст. 343 УК);
- взятка совершена лицом, занимающим государственную должность в Донецкой Народной Республике (ч. 4 ст. 343 УК).

Можно выделить и проанализировать следующие квалифицированные признаки получения взятки: первый квалифицирующий признак (получение взятки за незаконные действия) можно трактовать и понимать двояко:

а) должностное лицо за взятку совершает неправомерные действия, не являющиеся преступлением (например, попустительство должностного лица в связи с прогулами подчиненных, появлением на работе в состоянии разных видов опьянения, внеочередное предоставление квартиры и др.). Данные действия увеличивают опасность взяточничества, но не требуют дополнительной квалификации;

б) взятка должностного лица как преступное деяние (ст. 343 УК) [3].

Таким образом, можно отметить, что субъект данных преступлений общий. В качестве взяткодателя могут выступать частные лица, а также лица, выполняющие административные или управленческие функции в коммерческой или иной организации, и должностные лица, которые не имеют значения для квалификации дачи взятки.

Должностное лицо или лицо, выполняющее административные или управленческие функции в коммерческой или иной организации, предложившие подчиненному ему по службе работнику добиваться желаемого действия или бездействия путем взятки, несет ответственность как взяткодатель, а работник, договорившийся о выполнении за взятку определенных действий и вручивший взятку, должен понести ответственность как соучастник дачи взятки [4, с. 37].

За особо квалифицированный состав, а именно: группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; неоднократно; с вымогательством взятки; в крупном размере, в Донецкой Народной Республике предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет без права занимать некоторые должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки.

Также законодатель, выделяет два вида взятки, а именно: по способу вручения и по времени вручения.

Вид взятки по способу вручения можно классифицировать на взятку явную и завуалированную. Явная взятка характеризуется тем, при вручении предмета взятки лицу определенного служебного положения, оговариваются те деяния и/или бездействие, которые от него требуются. Завуалированная взятка предполагает маскировку выгоды имущественного плана под передачу денег в подарок, долг, фиктивно оформленную страховку, проигрыш в карты и пр.

Описывая вид взятки по времени вручения, в литературе выделяются следующие разновидности взятки: взятка-подкуп и взятка-благодарность [5, с. 53]. Эти две разновидности взятки различаются по временной мере вручения: первая – до совершения должностным лицом требуемого от него деяния, вторая – после осуществления желаемых действий.

Следует отметить, что передачу взятки-благодарности можно признать взяткой только в том случае, если ее получение было предварительно оговорено взяткодателем и взяткополучателем. В иных случаях мы имеем дело с гражданско-правовым договором дарения.

Необходимо подчеркнуть, что каждый вид взятки имеет следующие общие признаки: во-первых, это вознаграждение имущественного плана, которое передается должностному лицу государственного органа или органа местного самоуправления; во-вторых, передача данного вознаграждения происходит в интересах дающего взятку за свершения каких-либо действия и/или бездействия, которые входят в компетенцию должностного лица [5, с. 55].

Также деяние, классифицируемое как взятка, будет иметь место, если осуществляется общее покровительство или попустительство по службе. Следует отметить, что при попустительстве по службе взяткодатель может передать материальные ценности, не оговаривая определенного деяния, но предполагая, что при необходимости должностное лицо организует выгодное для него действие либо не будет противодействовать его незаконной деятельности. При этом важным является установление содержания вины и взяткополучателя, и взяткодателя, ведь первый обязан понимать, что принимая взятку, он дает согласие действовать в интересах заинтересованного лица, а второй должен сознавать, что, передавая взятку должностному лицу, он предполагает совершение должностным лицом определенных действия в его интересах [6].

Оба состава, предусматривающие ответственность за взяточничество, являются по конструкции формальными и заканчиваются на этапе передачи хотя бы части вознаграждения. Взятка может быть получена лично должностным лицом либо с его ведома иными лицами (секретарем, близкими людьми, друзьями и пр.).

Таким образом, если данные лица знали о том, что получают взятку для определенного должностного лица, их следует признать пособниками в преступлении, предусмотренном ст. 343 УК Донецкой Народной Республики.

В заключение можно сделать вывод, что дефиниция «получение взятки» включает все незаконные получения должностными лицами любых материальных ценностей и не демонстрированных материальных выгод имущественного характера.

Анализируя вышесказанное, можно отметить, что на данном этапе развития юридической науки невозможно дать исчерпывающую формулировку данному явлению, т.к. виды и формы взяточничества, порядок передачи разного рода ценностей от одного лица другому в каждом конкретном случае достаточно индивидуален. Дав всестороннее определение, законодатель тем самым поставит себя в условие, когда необходимо будет периодически и постоянно вносить изменения в перечень.

Стоит отметить, что единственным верным решением в ДНР станет ужесточение наказания за коррупционные действия, путем введения смертной казни за взяточничество.

Список использованной литературы:

1. Козонов Э.Ю. Коррупция: истоки и пути преодоления / Э.Ю. Козонов. – М.: МАКС Пресс, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 87 с.
2. Уголовный кодекс ДНР (в редакции от 01.09.2020г. № 183-П НС). – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.01.2022).
3. Алексеев И.А. Взятка: преступление и наказание / И.А. Алексеев // Налоговый учет для бухгалтера. – 2005. – № 7. – С. 38-43.
4. Бабанин В. А. Ответственность за взяточничество / В.А. Бабанин, Б.К. Сбоев // Законодательство и экономика. – 2004. – № 3. – С. 35-40.
5. Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество / П.А. Кабанов. – М.: Норма, 1995. – 117 с.
6. Рарог А.И. Уголовное право России: части общая и особенная / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2017. – URL: <https://www.book.ru/book/922207/view2/1> (дата обращения: 28.01.2022).

УДК 343.2

**УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ**

Филь Елена Олеговна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

E-mail: elena_fil_130586@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты условия применения условного осуждения, а также случаи, исключающие применение к осужденным лицам условного осуждения; перечислены обстоятельства, которые учитываются при принятии решения о назначении условного осуждения; рассмотрены обязанности, которые возлагаются на условно осужденного для его исправления без реального отбывтия наказания; акцентировано внимание на необходимости позитивного посткриминального поведения виновного и длительности испытательного срока. В результате исследования сделаны выводы о значении данного института уголовной ответственности и необходимости его детальной регламентации для максимально обоснованного применения.

Abstract. It is noted that the law does not precisely define the legal nature of this form of implementation of criminal responsibility, but despite this it is widely used. The article reveals the conditions for the application of a suspended sentence, as well as cases that exclude the application of a suspended sentence to convicted persons; lists the circumstances that are taken into account when making a decision on the appointment of a suspended sentence; considers the duties that are imposed on a probationer for his correction without actually serving a sentence; attention is focused on the need for positive post-criminal behavior of the guilty and the duration of the probation period. As a result of the study, conclusions are drawn about the importance of this institution of criminal responsibility and the need for its detailed regulation for the most reasonable application.

Ключевые слова: условное осуждение, наказание, исправление, обязанности, испытание, испытательный срок, продление, отмена, основания, осужденный.

Key words: suspended sentence, punishment, correction, duties, probation, probation period, extension, cancellation, grounds, convicted.

Условное осуждение является одним из видов юридической реакции государства на совершенное преступление. Его правовая природа законом в точности не определена, что и делает эту тему актуальной и требующей дополнительного изучения.

Для правоприменителей Донецкой Народной Республики данная уголовно-правовая категория является новеллой, поскольку возникла с принятием в 2014 году Уголовного кодекса ДНР. В ранее действующем на Донбассе уголовном законе – УК Украины 2001 года такого понятия не было. Уголовный кодекс

ДНР – это подобие Уголовного кодекса Российской Федерации, и соответственно уголовно-правовые нормы УК ДНР трактуются и применяются аналогично практике судов РФ и разъяснений Пленумов Верховного суда РФ. Но несмотря на то, что условное осуждение как уголовно-правовая категория применяется в РФ с 1996 года, до настоящего момента ученые не могут прийти к общему мнению о сущности правовой природы условного осуждения.

С одной стороны, ст. 73 УК, закрепляющая основы условного осуждения, помещена в раздел, посвященный наказанию и его назначению, и тем самым появляются основания считать условное осуждение видом наказания. С другой стороны, перечень видов наказаний, предусмотренный в ст. 43 УК, является исчерпывающим, и там отсутствует указание на условное осуждение.

Продолжая искать место условному осуждению среди институтов уголовного права, отметим, что условное осуждение предполагает освобождение от реального отбывания назначенного наказания под условием. Тем не менее, нормы о нем не помещены в раздел УК об освобождении от уголовной ответственности и от наказания. Также не относит законодатель условное осуждение и к иным мерам уголовно-правового характера.

Итак, учитывая вышеизложенное, видится верным рассматривать условное осуждение как самостоятельный институт уголовного права.

Применение института условного осуждения осуществляется только при наличии определенных условий. В первую очередь законодатель называет условием уже свершившийся факт признания лица виновным и осуждение его с назначением наказания определенных видов: исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы на срок до восьми лет. Вторым условием является наличие возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК) [1].

Содержание института условного осуждения включает также в себя необходимость установить для осужденного испытание вместо реального отбывания назначенного наказания. Испытание, которое назначается осужденному судом представлено в виде возложения на него в течение определенного срока определенных обязанностей, в случае нарушения которых, условное осуждение может быть отменено и принято решение об исполнении назначенного наказания.

Статистические данные говорят о том, что условное осуждение сегодня является самой часто применяемой мерой уголовно-правового воздействия, поскольку является результатом смягчения института наказания. Условное осуждение позволяет не лишать свободы человека, если для его исправления нет в этом необходимости [2].

Несмотря на это законодатель исключает применение условного осуждения следующих случаях:

1. Условное осуждение не может быть назначено лицам, осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет.

В соответствии с примечанием к статье 73 Уголовного кодекса ДНР к таким преступлениям относятся преступления, предусмотренные статьями 133-

135, 279, 281, 283 и 284 Уголовного кодекса, совершенные в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет.

Запрет на применение условного осуждения в отношении лиц, совершивших эти преступления, продиктован тем фактом, что здесь невозможно достичь целей наказания с помощью условного осуждения. В подавляющем большинстве случаев лица, осужденные за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, снова совершают аналогичные преступления. Учитывая эту тенденцию, было принято решение не применять условное осуждение в отношении этих лиц, чтобы предотвратить совершение новых сексуальных преступлений.

2. Условное осуждение не назначается осужденным совершившим некоторые преступления, а именно за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 229 (Террористический акт), ч. 1, 2 ст. 230 (Содействие террористической деятельности), ст. 231 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), ч. 2 ст. 233 (Организация террористического сообщества и участие в нем), ч. 2 ст. 234 (Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), ч. 1-3 ст. 235 (Захват заложника), ст. 422 (Насилие над населением в районе военных действий) УК.

Выбор этих преступлений в качестве исключения обусловлен спецификой этих преступлений, поскольку они, очевидно, несут повышенную степень общественной опасности, что исключает возможность исправления осужденного без фактического отбывания наказания, то есть обязательное условие его применения, оговоренное выше.

3. Условное осуждение не назначается, если в течение испытательного срока, назначенного за умышленное преступление, осужденным совершено новое тяжкое или особо тяжкое преступление, или если совершено новое тяжкое или особо тяжкое преступление в течение не отбытой части наказания, назначенного за умышленное преступление при условно-досрочном освобождении.

Это условие объясняет запрет на использование условного осуждения тем, что оно уже применялось к осужденному лицу, но не достигло цели наказания и, более того, виновный повторно осужден за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а потому нет смысла повторно применять условное осуждение.

4. Условное осуждение не назначается в случае опасного или особо опасного рецидива. Опасный и особенно опасный рецидив, как и предыдущее обстоятельство, свидетельствует о том, что осужденного нельзя исправить без реального отбывания наказания.

При принятии решения о назначении условного осуждения судом учитываются определенные обстоятельства, а именно:

1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления;

2) личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства [1].

Эти обстоятельства учитываются в совокупности и не могут по отдельности являться основанием либо применения условного осуждения, либо его исключения. Более того, вышеуказанные обстоятельства должны помочь суду сделать вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

Имеется практика судов не применять условное осуждение при наличии ранее имеющейся судимости у осужденного лица либо если он совершил несколько преступлений, тем более однородных. С одной стороны, это свидетельствует об устойчивости криминального поведения лица, но с другой стороны, если осужденный совершил неумышленное преступление в силу случайного стечения обстоятельств, то суд может учесть личность виновного и применить условное осуждение.

Изучая практику применения назначения условного осуждения, можно выделить обстоятельства, которые располагают к назначению лицу условного осуждения. К таковым можно отнести: совершение преступления в силу стечения случайных обстоятельств; совершение преступления впервые; несовершеннолетие лица, совершившего преступление; совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств; позитивное посткриминальное поведение и т.д. Однако, повторимся, наличие либо отсутствие этих обстоятельств не обязывает суд применить, либо отказаться от применения условного осуждения. Иногда характер и степень общественной опасности не позволяют восстановить социальную справедливость без реального отбывания наказания.

Анализируя текст статьи 73 УК ДНР буквально, обстоятельства, которые могут быть учтены при решении вопроса о назначении условного осуждения, ограничены личностью виновного, а также характером и степенью общественной опасности совершенного им преступления. Несмотря на это, видится верной практика судов учитывать при решении вопроса о назначении условного осуждения и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания (ст. 60 и ст. 62 УК). Несмотря на спорность отнесения их к обстоятельствам, характеризующим личность подсудимого, они позволяют сделать вывод о возможности достижения целей наказания и исправления осужденного лица без реального отбывания наказания. При назначении условного осуждения, суды, как правило, называют несколько обстоятельств, которые в своей совокупности позволяют судить о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания.

«При назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление (ч. 3 ст. 73 УК). Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей» (ч. 6 ст. 73 УК). В этом и заключается суть испытания, которое возлагается на осужденное лицо.

Говоря об испытательном сроке, законодатель оговаривает его пределы:

а) не менее шести месяцев и не более трёх лет - при назначении наказания в виде лишения свободы на срок до одного года или более мягкого вида наказания;

б) не менее шести месяцев и не более пяти лет – при назначении наказания в виде лишения свободы на срок свыше одного года.

В соответствии с ч. 3 статьи 73 УК Донецкой Народной Республики, «испытательный срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. В испытательный срок засчитывается время, прошедшее со дня провозглашения приговора» [1].

Как и при решении вопроса о назначении условного осуждения, длительность испытательного срока также определяется индивидуально. Учитываются все те же обстоятельства и та же цель – возможность исправление осужденного. Как правило, испытательный срок варьируется в пределах от одного года до трех лет и начинается исчисляться фактически с момента вынесения приговора суда. А в случае определения испытательного срока для условно осужденного, которому назначено наказание и виде содержания в дисциплинарной части, срок устанавливается в пределах оставшегося срока военной службы на день провозглашения приговора (ч. 4 ст. 73 УК).

Обязанности, которые суд возлагает на условно осужденного можно классифицировать на две группы. К первой целесообразно отнести те обязанности, которые обеспечивают контроль за его поведением: не менять постоянное место жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, который осуществляет контроль за поведением условно осужденного. Ко второй группе относятся обязанности, по выполнению которых можно делать вывод об исправлении осужденного лица: не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении.

Какие бы суд не возложил на осужденного обязанности, каждая из них необходима для достижения его исправления. Более того, закон не запрещает назначить лицу и другие, кроме оговоренных в статье, обязанности. Главное, чтобы они способствовали его исправлению [3].

Согласно Постановления Пленума Верховного суда ДНР № 1 от 04.09.2015 года «О практике назначения судами уголовного наказания», после провозглашения приговора условно осужденному лицу должно быть разъяснено суть его испытания: значение испытательного срока и последствия несоблюдения возложенных на него судом обязанностей. Поскольку, согласно части 4 ст. 74 УК ДНР, условное осуждение может быть отменено. Произойти это может по причинам систематического нарушения осужденным общественного порядка и, следовательно, привлечения его к административной ответственности, по причинам систематического нарушения и неисполнения возложенных на него судом обязанностей либо если он скрылся от контроля. Указанные разъяснение и предупреждение должны быть отражены в протоколе судебного заседания [4].

Контроль за условно осужденным, за исполнением им возложенных на него судом обязанностей осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного, следовательно, именно этот орган вправе инициировать отмену условного осуждения либо же продление испытательного срока, но не более чем на один год.

Кроме того, такой же исход может ждать условно осужденное лицо в случае, если тот уклонится от возмещения вреда, причинённого преступлением, в размере, определенном решением суда.

В случае же совершения условно осужденным лицом нового неумышленного либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести в течении испытательного срока, решение об отмене или сохранении условного осуждения, решается судом. В таком случае учитывается характер и степень общественной опасности первого и второго преступлений, а также данные о личности осужденного и его поведении во время испытательного срока. В судебное заседание о решении этого вопроса может быть вызван представитель органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, который дает характеристику его поведения в период испытательного срока, что будет учитываться судом при принятии решения.

Вопрос об отмене условного осуждения разрешается в присутствии лица, в отношении которого принимается такое решение, за исключением случаев, когда подтверждено, что условно осужденный скрылся от контроля.

Согласно ч. 6 ст. 74 УК ДНР при совершении условно осужденным лицом во время испытательного срока нового умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления, условное осуждение должно быть отменено. Наказание в этом случае должно быть реальным и назначается по правилам, предусмотренным ст. 69 УК ДНР.

Учитывая, что в соответствии с частью 5 статьи 73 УК ДНР при условном осуждении могут быть назначены дополнительные наказания, условным может быть признано лишь основное наказание. Дополнительные наказания приводятся в исполнение реально, о чем судам следует указывать в резолютивной части приговора [4].

На практике бывают случаи, когда выясняется, что осужденное лицо виновно в совершении преступления, совершенного до применения условного осуждения по первому делу, в таком случае приговоры по делам исполняются самостоятельно, ведь в ст. 74 УК ДНР дан исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых возможна отмена условного осуждения.

Уголовный закон в ч. 1 ст. 74 УК ДНР предусмотрел и позитивные последствия для условно осужденного лица в случае его исправления до истечения испытательного срока, а именно если он доказал своим поведением факт своего исправления, возместил вред, причиненный преступлением, то суд может своим постановлением рассмотреть вопрос об отмене условного осуждения и о снятии с него судимости. Происходит это по представлению органа, который уполномочен осуществлять контроль за поведением условно осужденного лица по истечении не менее половины установленного испытательного срока.

Завершая, хотелось бы отметить, что несмотря на то, что в юридической литературе до сих пор не решен вопрос по поводу правовой природы института условного осуждения, это не мешает судам активно применять данный способ воздействия на преступников. В связи с этим остро стоит вопрос о необходимости более детальной регламентации связанных с условным осуждением основных категорий и понятий для максимально обоснованного его

применения на практике. Данная форма реализации уголовной ответственности всячески направлена на либерализацию в сфере назначения наказаний, и выразилась она в постепенной замене жестких видов наказаний более мягкими и цивилизованными. Как показывает практика, применение наказаний, не связанных с изоляцией виновного от общества, могут достичь целей уголовной ответственности и наказания быстрее и эффективнее, ведь важнее не жестокость наказания, а его неотвратимость.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики, утвержденный Постановлением Верховного Совета ДНР № ВС 28-1 от 19.08.2014 года // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 29.01.2022).
2. Лопаткин С.С. Условное осуждение и проблемы его правоприменения / С.С. Лопаткин // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 325-327. – URL: <https://moluch.ru/archive/337/75382/> (дата обращения: 29.01.2022).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-ое изд., доп. и перераб. – 2013. – 644 с. – URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_2/774/001.htm (дата обращения: 29.01.2022).
4. Постановление Пленума Верховного суда Донецкой Народной Республики № 1 от 04.09.2015 «О практике назначения судами уголовного наказания». – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/1100-1-20150904/> (дата обращения: 29.01.2022).

УДК 347

О ГРАДОСТРОИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ СОБЛЮДЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО СТИЛЯ ГОРОДОВ

Абезин Денис Александрович, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: daabezin@rambler.ru

Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: aumohov@mail.ru

Абезин Даниил Денисович, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: daniil.abezin.02@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основы правового регулирования обеспечения единого городского стиля (на примере актов органов местного самоуправления различных субъектов Российской Федерации, в частности, городов Москва и Волгоград). Обосновывается вывод о необходимости выделения категорий «исторический центр города», «пешеходные туристические маршруты», как самостоятельных объектов градостроительно-правового регулирования. Единый стиль города представляет собой единообразные колористические решения и требования к фасадам зданий, определённым образом отражающие культурно-историческую самобытность города – с одновременным учётом санитарно-гигиенических требований и норм территориального планирования.

Ключевые слова: градостроительство, территориальное планирование, градостроительное право, местное самоуправление, архитектурный стиль, исторический центр.

Abstract. The article considers the basics of legal regulation of ensuring a unified urban style (on the example of acts of local governments of various constituent entities of the Russian Federation, in particular, the cities of Moscow and Volgograd). The conclusion is substantiated that it is necessary to single out the categories "historical center of the city", "pedestrian tourist routes", as independent objects of urban planning and legal regulation. The unified style of the city is a uniform color solutions and requirements for the facades of buildings, in a certain way reflecting the cultural and historical identity of the city - while taking into account sanitary and hygienic requirements and territorial planning norms.

Key words: urban planning, territorial planning, urban planning law, local self-government, architectural style, historical center.

Градостроительство представляет собой сложный процесс социального взаимодействия, обусловленный наличием самых разных частных и публичных интересов [1, с. 7]. Частные и публичные интересы могут совпадать, а могут

быть и диаметрально противоположными. При этом, в процессе градостроительной деятельности противоречия могут возникать не только между публичными и частными интересами (например, при застройке особо охраняемых природных зон), конфликты в рассматриваемой сфере могут возникать между частными лицами (например, «соседские» споры), а равно в публично-правовой плоскости (привлечение инвестиций в развитие городской инфраструктуры и сохранение архитектурного облика зданий в исторической части города).

Общеизвестно, что Волгоград (Сталинград) – город-герой – был фактически стерт с лица земли во время Второй мировой войны. Героические и, одновременно, трагические страницы истории нашего города во многом обусловили особенности современного архитектурного облика Волгограда, прежде всего, его исторического центра, построенного в стиле, прозванном в отечественных и западных СМИ, «сталинский ампир», соединившем в себе элементы ренессанса, барокко, ампира эпохи Наполеона, позднего классицизма, постконструктивизма, арт-деко, а также неоготики (например, здание Министерства иностранных дел в г. Москва).

На современном этапе представляется крайне важным сохранение уникального облика исторического центра Волгограда, что, на наш взгляд, будет способствовать туристической привлекательности города и, соответственно, развитию экономики города.

Многие районы идейно отрезаны от архитектурного облика центра города, поскольку строились в более позднюю, постсталинскую эпоху. Построенные в 60–80-е годы прошлого века безликие панельные и железобетонные дома спальных микрорайонов города Волгограда – это уже закономерное следствие советской градостроительной политики данного периода. В этот период на первый план вышли совершенно иные приоритеты, были упрощены и унифицированы многие аспекты градостроительства, что отразилось в строительных нормах и стандартах. Архитектурные излишества уходили на второй план, что отразилось как в массовой жилой застройке, так и в достраиваемых объектах (например, гостиница «Украина» в г. Москве).

Однако стоит отметить, что значительное снижение затрат на внешний облик зданий и их инженерно-техническое упрощение в целом позволило провести масштабную панельно-каркасную жилищную застройку в большинстве городов СССР. Поэтому мы имеем дело не с локальным явлением, а с доминирующим (преобладающим) архитектурным стилем, близким к таким направлениям, как минимализм и брутализм.

Типовые крупнопанельные объекты, хаотично разбросаны на всем протяжении нашего города, они слишком сильно диссонируют с архитектурным обликом его исторического центра. Турист, проехавший через город Волгоград на личном автомобиле по главной транспортной артерии города (улице 2-ая Продольная), и турист, прибывший в тот же город на поезде, осмотрев достопримечательности исторического центра Волгограда посредством пеших прогулок, получают диаметрально противоположные впечатления об архитектурном облике нашего города. Аналогичные впечатления получают и местные жители.

При этом, очевидно, последствия градостроительной политики хрущевско-брежневского и постсоветского периодов кардинально невозможно изменить даже в среднесрочной перспективе. Поэтому придать городу Волгограду, как и любому другому городу, единый архитектурный стиль невозможно. Вместе с тем, представляется возможным придать единый архитектурный стиль, в первую очередь, объектам, имеющим особое значение для города. К таким объектам предлагаем отнести, например:

- расположенным в историческом центре города;
- примыкающих к объектам культурного наследия;
- прилегающим к магистральным улицам и пешеходным туристическим маршрутам.

Для реализации указанных предложений в первую очередь необходимо нормативно закрепить определение понятия «архитектурно-градостроительный стиль территории» и разработать на муниципальном и/или региональном уровнях обязательные стандарты для объектов, расположенных на территориях, имеющих особое значение для города.

В дальнейшем, оставшуюся большую часть внутригородского пространства целесообразно разделять на стилистические зоны, также обладающие архитектурным единством. Представляется возможным использовать зарубежный опыт, установив для этих зон требования к высоте, размеру и конфигурации построек и другие архитектурные требования [2, с. 53].

Для реализации обозначенных мероприятий уже имеется определенная законодательная база, нуждающаяся в доработке.

Градостроительным кодексом РФ (далее – ГрК РФ) [3] в качестве первичного элемента градостроительной деятельности введено понятие «территориальное планирование». Территориальное планирование в ГрК РФ определяется как планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, определения планируемого размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения.

По мнению В.М. Груздева, данный вид деятельности является аналогом общемирового процесса пространственного планирования, который предполагает создание в конкретных национальных масштабах правового поля и системы управления эффективным и устойчивым природопользованием, размещением и развитием элементов отраслевой структуры экономики, сети населенных мест, инженерно-транспортного и энергетического обеспечения территорий» [4, с. 10].

Документами территориального планирования на уровне муниципальных районов выступают схемы территориального планирования, а на уровне поселений и городских округов – генеральные планы. Генеральный план города представляет собой основополагающий документ территориального планирования, определяющий стратегию градостроительного развития территорий и содержащий в себе долгосрочные ориентиры их развития.

Институт территориального планирования неразрывно связан с институтами градостроительного зонирования и планировки территорий. Эти институты представляют собой части градостроительной деятельности и

должны работать во взаимодействии. Таким образом, в качестве первой фазы процесса градостроительной деятельности выступает территориальное планирование, второй – градостроительное зонирование и третьей – планирование территории. Данная правовая позиция отражена в ряде решений Верховного суда РФ. По мнению Верховного суда РФ, в ГрК РФ закреплён принцип первичности генерального плана как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территорий и содержащего в себе долгосрочные ориентиры их развития [5]. Таким образом, в качестве первой фазы регулирования отношений в сфере застройки выступает территориальное планирование, второй – градостроительное зонирование и третьей – планирование территории.

В ГрК РФ практически не регламентированы вопросы, связанные с архитектурным обликом городов, несмотря на то что в утверждённых в 2014 г. Основах государственной культурной политики «повышение роли объектов культурного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов, создание условий для развития культурно-познавательного туризма, ... повышение эстетической ценности архитектурной среды российских городов» отнесены к числу основных задач государственной культурной политики [6].

Стоит выделить благоприятный опыт отдельных субъектов федерации в данной сфере. Так, на основании Закона города Москвы от 30 апреля 2014 года № 18 «О благоустройстве в городе Москве» [7], а также в целях формирования внешнего архитектурно-художественного облика столицы утверждено Положение о проведении работ, связанных с изменением внешних поверхностей зданий, строений, сооружений в городе Москве, в соответствии с которым регулируются вопросы применения колористических решений фасадов объекта.

В настоящее время в целях повышения уровня благоустройства территории Волгограда, формирования благоприятной архитектурной среды и сохранения историко-архитектурного облика Волгограда, регулирования вопросов предоставления решения о согласовании архитектурно-градостроительного облика объект был принят и действует нормативный Порядок предоставления решения о согласовании архитектурно-градостроительного облика объекта на территории Волгограда.

В связи с вышеизложенным предлагается ст. 2 Федерального закона от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [8] дополнить определением понятия «архитектурно-градостроительный стиль территории» и разработать на федеральном уровне архитектурно-градостроительные нормы, регулирующие и требования к поверхностям фасадов зданий, и включающие колористические решения соответствующие разным типам муниципальных образований с сохранением их исторической уникальности. Указанные изменения будут, на наш взгляд, способствовать реализации основ государственной культурной политики и созданию городской среды, комфортной для местных жителей и туристов.

Список использованной литературы:

1. Севостьянов А.В. Градостроительство и планировка населенных мест: учеб. пособие / А.В. Севостьянов, Н.Г. Конокотин, М.Д. Сафарова. – М.: Издательство КолосС, 2012. – 398 с.
2. Болтанова Е.С. Правовое регулирование зонирования территорий: становление в Российской Федерации и опыт Соединенных Штатов Америки / Е.С. Болтанова // Государство и право. – 2016. – № 11. – С. 51-58.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.
4. Груздев В.М. Территориальное планирование / В.М. Груздев. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2018. – 107 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2022).
6. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7753.
7. Закона города Москвы от 30 апреля 2014 года (в ред. от 17 мая 2018 г.) № 18 «О благоустройстве в городе Москве» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московской городской Думы. – URL: <https://www.duma.mos.ru/> (дата обращения: 19.02.2022).
8. Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ (в ред. от 19 июля 2011 г.) «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4473.

УДК 347

**ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Абезин Денис Александрович, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: daabezin@rambler.ru

Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: aumohov@mail.ru

Абезин Даниил Денисович, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: daniil.abezin.02@mail.ru

Аннотация. В статье, на основе анализа теоретических позиций, а также действующего законодательного регулирования, обосновывается содержание системы источников градостроительного права – в контексте подхода к градостроительному праву, как комплексной отрасли современного российского права, сочетающей в себе преимущественно публично-правовые средства воздействия. Сделан вывод о фактическом отнесении градостроительного законодательства к вопросам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, со значительным объёмом полномочий органов местного самоуправления в данной отрасли.

Ключевые слова: градостроительство, градостроительное право, местное самоуправление, федерализм, предметы совместного ведения.

Abstract. The article, based on the analysis of theoretical positions, as well as the current legislative regulation, substantiates the content of the system of sources of urban planning law - in the context of the approach to urban planning law, as a complex branch of modern Russian law, combining mainly public law means of influence. The conclusion is made about the actual attribution of urban planning legislation to the issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, with a significant amount of authority of local governments in this industry.

Key words: town planning, town planning law, local self-government, federalism, subjects of joint jurisdiction.

Градостроительное законодательство приобрело самостоятельное значение после принятия 14 июля 1992 года Закона РФ «Об основах градостроительства в Российской Федерации» [1, с. 20].

В настоящее время, понятие «законодательство о градостроительной деятельности» рассматривается в «широком» смысле и включает в себя не только Градостроительный кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГрК РФ), другие федеральные и региональные законы, но и подзаконные нормативные правовые акты, принимаемые на федеральном и региональном уровнях (ч. 1 ст. 3

ГрК РФ). Правовое регулирование градостроительной деятельности осуществляется также на муниципальном уровне (ч. 4 ст. 3 ГрК РФ).

В юридической науке по-разному подходят к определению правоотраслевой принадлежности актов ГрК РФ и нормативных правовых актов, принятых в его развитие, что обусловлено, на наш взгляд, весьма широким спектром и разновекторностью общественных отношений, урегулированных градостроительным законодательством.

Как отмечает Н.А. Савченко, «градостроительное законодательство использует преимущественно императивный метод правового регулирования, ... в состав участников градостроительных отношений входят государственные и муниципальные органы, осуществляющие исполнительно-распорядительную деятельность в рамках установленной компетенции, ... градостроительное законодательство в основной своей части может быть отнесено к административному законодательству» [3, с. 10]. Некоторые авторы сводят градостроительную деятельность, прежде всего, к различным видам разрешительной деятельности административных органов и их должностных лиц, применяемым на разных этапах градостроительной деятельности. Действительно, нормы административного права, закрепляя, например, полномочия исполнительных органов и их должностных лиц в сфере градостроительства, регулируют важнейшие аспекты градостроительных правоотношений. Не менее важную роль в процессе регламентации градостроительной деятельности играют нормы земельного права, регламентируя, например, процедуры предоставления в аренду или в собственность земельных участков. Эти обстоятельства позволяют отдельным авторам под градостроительным законодательством понимать «и земельное, и административное законодательство в целом» [4, с. 62].

Однако, как отмечает А. Я. Рыженков, очевидно, что градостроительное законодательство регулирует «как административные, так и имущественные отношения» [5, с. 13]. Соответственно, правовое регулирование достаточно широкого круга имущественных и (или) личных неимущественных отношений между субъектами градостроительной деятельности, осуществляется гражданско-правовыми нормами (например, в связи с возмещением вреда и т.д.). Если отношения в сфере градостроительства не урегулированы нормами ГрК РФ, то применяется гражданское законодательство, например законодательство о саморегулируемых организациях.

Помимо земельного, гражданского и административного законодательства на участников правоотношений в сфере градостроительства распространяется водное, лесное законодательство, законодательство об особо охраняемых природных территориях, об охране окружающей среды, об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), иное законодательство Российской Федерации. Законодательство о коммерческой и иной охраняемой законом тайне также применяется с учетом особенностей градостроительного законодательства. Кроме того, нормы жилищного права регламентируют правила проживания в жилых помещениях.

Технические регламенты, нормативные правовые акты о промышленной безопасности опасных производственных объектов, также иные акты в области

защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, регулируют отдельные аспекты градостроительных правоотношений. При этом указанные акты имеют приоритет над актами ГрК РФ.

Вопросы территориального планирования, градостроительного проектирования, градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования и некоторые другие институты, связанные с деятельностью в сфере градостроительства, регламентируются, прежде всего, ГрК РФ и актами, принятыми в его развитие. Наличие особого предмета правового регулирования, то есть совокупности общественных отношений, урегулированных исключительно нормами данной отрасли, позволяет утверждать о существовании в качестве самостоятельной отрасли и градостроительного законодательства, и градостроительного права.

Таким образом, во-первых, отдельные аспекты отношений, возникающих в связи с градостроительной деятельностью, урегулированы нормами различных отраслей российского права, для градостроительного законодательства характерно тесное переплетение публично-правового и частноправового регулирования [6, с. 2107].

Во-вторых, следует согласиться с выводом о том, что уже сегодня градостроительное право следует относить к числу самостоятельных отраслей российского права [7, с. 52].

Переходя к характеристике актов градостроительного законодательства, следует отметить, основополагающим нормативным правовым актом для любой отрасли российского законодательства, в том числе и для градостроительного законодательства, является Конституция Российской Федерации. При этом действующая Конституция РФ практически не содержит норм, непосредственно посвященных регламентации градостроительной деятельности.

В частности, в главе 3 Конституции РФ градостроительное законодательство не отнесено ни к предмету ведения РФ, ни к совместному ведению. Это вполне закономерно, так как в 1993 году градостроительное законодательство в современном его понимании как способ стратегического управления недвижимостью находилось в самом начале своего формирования. Однако отсутствие прямого упоминания градостроительного законодательства в главе 3 Конституции РФ привело к различным подходам в практике правового регулирования.

Рассматривая вопросы разграничения предметов ведения и полномочий в данной сфере, необходимо проанализировать определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2005 г [8]. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие отношения в области градостроительной деятельности, не могут противоречить ГрК РФ (ч. 3 ст. 3 ГрК РФ). Московская городская Дума ходатайствовала перед Конституционным Судом РФ о признании ч. 3 ст. 3 ГрК РФ противоречащей Конституции РФ, т.к. градостроительное законодательство не указано в статьях 71 и 72 Конституции РФ, соответственно, оно относится к ведению субъектов РФ. Следовательно, нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации по данному вопросу имеют приоритет перед федеральными актами (ч. 4, ч. 6 ст. 76 Конституции РФ).

При этом, в ст. 71, 72 Конституции РФ заложены основы для разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами РФ в рассматриваемой сфере. Отношения в сфере градостроительной деятельности имеют комплексный, межотраслевой характер, а их содержание составляют преимущественно предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, перечисленные в п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ (природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории, охрана памятников истории и культуры). Законодательство о градостроительной деятельности в своей основе находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, несмотря на отсутствие специального указания на него как обособленную отрасль в ст. 72 Конституции РФ.

Характеризуя федеральные законы, регламентирующие градостроительные правоотношения, необходимо подчеркнуть особую роль ГрК РФ. Федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в области градостроительной деятельности, не могут противоречить данному кодексу (ч.2 ст. 3 ГрК РФ). Как указывает С.А. Боголюбов, в той или иной сфере общественных отношений, как правило, принимается «головной (иногда его неточно называют рамочным) закон, обладающий неким верховенством в этой, данной сфере ... все остальные, принимаемые в этой сфере общественных отношений акты, ... должны ему соответствовать в интересах выстраивания иерархии актов, их координации между собой, обеспечения единого правопонимания и соответствующего правопорядка» [9, с. 24]. В сфере градостроительства таким головным актом и выступает ГрК РФ.

Аналогичные нормы закреплены в Земельном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Лесном кодексе РФ и некоторых других «отраслевых» законах. При этом одна и та же ситуация может быть по-разному урегулирована ГрК РФ, Гражданским кодексом РФ или Земельным кодексом РФ. Это порождает различия в правоприменительной практике, даже квалифицированному юристу сложно однозначно и четко разграничить гражданские, земельные, природоохранные, градостроительные правоотношения при возникновении некоторых жизненных ситуаций. Более того, по мнению А.П. Анисимова, поскольку Конституция РФ «рассматривает все федеральные законы как акты одинаковой юридической силы. Поэтому ... нормы ЗК РФ, ГК РФ и ряда иных федеральных кодексов и законов, предусматривающих их более высокую юридическую силу перед иными федеральными законами, противоречат Конституции России». [10, с. 13]. Предлагается, соответственно, законодательно закрепить принцип равенства федеральных законов, а коллизии между ними разрешать исходя из приоритета специального акта перед общим, приоритета более позднего акта и т.д.

Перечень федеральных законов, регулирующих в той или иной степени градостроительную деятельность весьма обширен, перечислим основные из них: Земельный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы «О кадастровой деятельности», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», «Об архитектурной деятельности в Российской

Федерации», «Об особо охраняемых природных территориях» и иные законодательные акты в сфере экологии и природопользования.

Важную роль в правовом регулировании градостроительных правоотношений играют правительственные и ведомственные акты, в частности: Постановление Правительства РФ «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию»; приказ Минстроя России, Минэкономразвития России других ведомств.

Переходя к характеристике следующего уровня системы законодательства – региональных нормативных правовых актов – начнем с базовых градостроительных законов. Базовые законы, регулирующие градостроительные правоотношения принимаются как в форме кодифицированного акта (например, Градостроительный кодекс города Москвы от 25 июня 2008 г.), так и в форме обычного регионального закона (например, Закон Волгоградской области «О градостроительной деятельности на территории Волгоградской области» от 7 июня 2018 года). Следует отметить, что независимо от формы базового регионального закона о градостроительной деятельности региональные парламенты принимают законы по отдельным вопросам в рассматриваемой сфере, например, законы об особо охраняемых природных территориях.

На региональном уровне в сфере градостроительной деятельности принимаются подзаконные акты, в том числе, ведомственные. В качестве примера можно привести Приказ комитета архитектуры и градостроительства Волгоградской области от 12 ноября 2021 года, которым утверждены региональные нормативы градостроительного проектирования.

В число нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере градостроительства, следует включать и муниципальные правовые акты, которые определяют параметры и виды использования территории в публичных и частных интересах (генеральные планы, правила землепользования и застройки, местные нормативы градостроительного проектирования и др.). Отдельно хотелось бы отметить важность муниципальных актов в сфере благоустройства. Как отмечает А. Ю. Чикильдина, реализация полномочия муниципалитетов в сфере благоустройства находится преимущественно в плоскости градостроительного законодательства и зависит, прежде всего, от соблюдения нормативов градостроительного проектирования» [11, с. 7].

Таким образом, систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере градостроительства, образуют принимаемые на всех уровнях публичной власти нормативные правовые акты, относящиеся к различным отраслям права. В настоящее время градостроительного законодательство сформировано в качестве отдельной и самостоятельной отрасли российского законодательства, фактически находящееся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов.

Список использованной литературы:

1. Болтанова Е.С. Градостроительное право: учебник / Е.С. Болтанова, О.А. Романова, Л.Е. Бандорин. – М.: Проспект, 2021. – 311 с.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) / Российская Федерация. Законы // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.
3. Савченко Н.А. Проблема разграничения компетенции субъектов Российской Федерации и Российской Федерации в области градостроительства / Н.А. Савченко // Правовые вопросы строительства. – 2014. – № 1. – С. 9-12.
4. Кучмаева С.Н., Сидоров Ю.В. Особенности градостроительного законодательства, его место в системе административного права / С.Н. Кучмаева, Ю.В. Сидоров // Наука и образование. – 2018. – № 18. – С. 60-66.
5. Рыженков А.Я. Принципы градостроительного права: монография / А.Я. Рыженков. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2019. – 176 с.
6. Анисимов А.П., Юшкова Н.Г. Градостроительное право – новая отрасль в системе российского права / А.П. Анисимов, Н.Г. Юшкова // Право и политика. – 2008. – № 9. – С. 2105-2113.
7. Анисимов А.П. Градостроительное право как учебная дисциплина / А.П. Анисимов // Право и образование. – 2010. – № 4. – С. 50-56.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2005 г. № 468-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской городской Думы о проверке конституционности части 3 статьи 3 Градостроительного кодекса Российской Федерации и подпункта 42 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2022).
9. Боголюбов С.А. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации: постатейный / С.А. Боголюбов, Е.А. Галиновская, Н.А. Игнатюк; отв. ред. С.А. Боголюбов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – 456 с.
10. Анисимов А.П. Теоретические основы правового режима земель поселений в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Анисимов Алексей Павлович. – Саратов, 2004. – 54 с.
11. Чикильдина А.Ю. Полномочия органов местного самоуправления в сфере благоустройства / А.Ю. Чикильдина // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 8 (176). – С. 4-7.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 2 / 2022

Подписано в печать 15.02.2022

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

Е-mail: donagra@yandex.ua

Сайт: <http://donagra.ru>

